

работы приближались уже к верхней части вала, так что осажденные боялись вот вот провалиться вниз вместе с подрытым валом. Поэтому в конце концов они стали просить войско даровать им жизнь и свободу. И сохранили им жизнь, замок подожгли, а всех коней и быков, скот, имущество, деньги, одежду и все, что в замке было, тевтоны захватили и поровну разделили с ливами и лэттами. Датчанам же вернули их людей и отпустили на свободу по деревням. Между тем тевтоны послали некоторых из своего войска к другим трем меньшим замкам по соседству, грозя войной, если там не сдадутся в их руки. И сдались те три ближние замка в руки рижан, пославши им при этом походе подати и очень много вайпы. И возвратилось войско рижан в Гервен, а некоторые отправились грабить область. И вышли навстречу им гервенцы и виронцы, прося о мире и обещая впредь не нарушать таинств веры христианской. И возобновлен был мир с ними, снова приняли их в дружбу, взяв заложников. Впоследствии же датчане сильно тревожили их, не раз начиная войну за то, что те приняли от рижан мир и иго христианства.

И воротилось рижское войско с радостью в Ливонию, славя Иисуса Христа, Который всегда выводил их здоровыми и невредимыми из всех походов, приводя домой.

В это время были в Риге послы королей русских, ожидавшие исхода дела. Они чрезвычайно удивлялись тому, что рижане никогда не возвращаются назад с пустыми руками, без победы, так же как стрела Ионафана никогда не летела обратно, щит его был всегда прям в бою, а меч Саула без успеха не возвращался; а между тем большим и сильным войскам королей русских никогда не удавалось взять и подчинить вере христианской хотя бы один замок.

Двадцать шестой год епископства Альберта

Был двадцать шестой год посвящения епископа Альберта (1224), а церковь все еще не знала тишины от войн. Ибо король Вячко с жителями Дорпата тревожил всю область вокруг, а лэтты и ливы, не раз ходившие в небольшом числе на них, не в силах были причинить им вред. Снова собравши после пасхи войско, братья-рыцари также осадили Дорпат и бились там пять дней, но не могли, по своей малочисленности, взять замок и, разграбив окружающую местность, с добычей вернулись в Ливонию.

Между тем возвратился из Тевтонии достопочтенный епископ Альберт со многими пилигримами и со всей своей свитой. Вместе с ним прибыл брат его, не менее достопочтенный епископ Германн, давно уже избранный и посвященный в епископы Эстонии, но много лет не допускавшийся королем датским к своему епископату. После того, однако, как король датский был уведен тевтонами в плен в Саксонию, вышеназванный епископ рижский с тем же братом своим отправился к королю просить его решения и согласия. И разрешил король, чтобы Германн ехал в Ливонию, а из Ливонии к своему епископату в Эстонию.

По прибытии в Ригу они были с великой радостью встречены рижанами и всем населением Ливонии. Все радовались и славили Бога за то, что после многих бедствий и горьких войн вновь завоевана и покорена почти вся Эстония, кроме одного замка Дорпата, которого еще ожидало Божье возмездие.

И пришли к соглашению братья-рыцари с теми же епископами, с людьми церкви и со всеми рижанами о разделе областей Эстонии, относящихся к Риге. Епископу Германну дали Унгавнию с ее областями, а братьям-рыцарям выпала, на долю, как их часть, Саккала. Церкви же Св. Марии в Риге и епископу рижскому предоставили Поморье с семью килегундами. Когда поморцы услышали, что отнесены к рижской церкви, они